

Правда. — 1993. — 2 февр.

НАВЕРНОЕ, не все знают или помнят музыку Кирилла Молчанова. Но творчество сына этого композитора — Владимира, автора и ведущего телепрограммы «До и после полуночи», хорошо известно многим. В свое время эта программа была самой популярной на ТВ, а Вл. Молчанов неизменно занимал первые места в рейтинге ведущих. И хоть время, конечно, старит любую передачу, зрительская любовь остается. Да и как забыть достоверность, интеллигентность, артистизм создателя «До и после полуночи», его тонкий разносторонний вкус и какую-то удивительную, всегда и во всем ощущаемую музыкальность? Истоки этой музыкальности стали понятны из новой телепередачи Молчанова «Воспоминание».

«Поэтическая ниша» наших писателей — знаменитое Переделькино. Знаменитое своими обитателями и связанными с ними историями, легендами, мифами. Несмотря на суровые «ветры перемен», в Переделькине до сих пор витает дух Чуковского, Пастернака, Ахматовой...

У музыкантов такое место — Старая Руза. Именно оттуда начали песенный путь по миру «Подмосковные вечера» Соловьева-Седого, там писал своего триумфального «Спартак» великий Хачатурян, туда приезжали гении — Шостакович, Прокофьев, Дунаевский... В прохладные воды тамошней реки нырял замечательный американский пианист, лауреат 1-го конкурса им. Чайковского Вэн Клайберн. В Рузе писали свою музыку и жили «под музыку» русские советские композиторы, формировались музыкальная атмосфера и музыкальная политика (удивительное словосочетание!) СССР. Творческий, жизненный пик Рузы приходится на 50—60-е годы. В то время, как следует из воспоминаний Владимира Кирилловича, она цвела, пела и пила. Ныне Руза-роза увядает. Ныне — другая политика, другая жизнь и музыка — другая.

Но, к счастью, не все умерли. И не все умирает!

В Рузе жил и творил композитор Кирилл Молчанов — автор многих проникновенно-лирических песен, трогательно поэтической оперы «Зори здесь тихие», жесткого современного балета «Макбет», написанного специально для выдающейся балерины Нины Тимофеевой, телебалета «Три карты»... В сказочно-музыкальной атмосфере Рузы прошли детство, юность и отрочество его сына — есть что вспомнить, чем поделиться, о чем

поразмышлять. На этом и были построены телемемуары Вл. Молчанова.

Однако начало их необычно для жанра мемуаров: Владимир просит у Тихона Николаевича Хренникова, бессменного (с 1948-го до развала СССР) руководителя Союза советских композиторов, извинения за своих «юных коллег», которые то ли по неведению, то ли из конъюнктурных соображений делают свой журналистский бизнес на «грязи», охаивая все и вся, что было

кисе». Рассказывать сегодня о великом трудно еще и потому, что они жили, творили (и даже были счастливы!) в стране, которой больше нет.

...Владимир печально-осторожно бродит по заросшим дорожкам Рузы, курит, вглядывается, вспоминает. Все так близко, знакомо: та же река — невольный символ утекающего времени, деревья, те же скамейки. И дачи на том же месте: вот та, что принадлежала Шостаковичу, в эту приезжал Дунаевский (те-

музыка. Мокроусов, получив Сталинскую премию, «прогулял» ее за десять дней, потчуй всех, кто знал хотя бы строчку из его песен. Композитор Будашкин и поэт Фатьянов, отменные бильярдисты, тоже любили выпить.

Но Владимир, говоря о чертах характера, подробностях личной жизни знаменитостей, не смакует это, не делает главной темой «Воспоминания». Бытовые «нотки» в рассказе Владимира лишь оттеняют личность того или иного музыканта, помогают увидеть

ние к памяти отца и тех, кто жил рядом с ним и работал, но и бережное отношение ко всей советской музыке, к наследию нашей культуры. В воспоминаниях Владимира нет столь пространственного сегодня издательского поношения прошлого. Но есть то, без чего его рассказ не был бы правдой. Ведь «из песни слова не выкинешь». Помните: в кадре — Венгрия 56-го, а за кадром — «Парни, парни, это в наших силах...», затем Берлин 61-го, строительский известной стены и — «Хотят ли русские войны?», карибский кризис 62-го — «Куба, любовь моя», Чехословакия, 68-й — «Красавица Драга, тебя золотого недаром зовут»... Да, было! И, наверное, эти чистые, безупречные в музыкальном отношении песни забудут. Но время этих песен забывать нельзя!

«Воспоминание» Вл. Молчанова оказалось более глубоким, полифоничным и мудрым, чем могло быть. Ностальгический мотив, который для автора является по сути «семейным», личным мотивом, мог захлестнуть, выйти из берегов «реки памяти». И это могло быть очень талантливо (как, например, у Алексея Габриловича, сына известного кинодраматурга Евгения Габриловича; помните, «Дворы моего детства», «Музыка моего детства»). Но у Владимира «личностная» тема не преобладает, не заглушает все остальное (остается только догадываться, сколько такта, душевных сил потребовалось ему, чтобы «наступить на горло собственной песне»). Это рассказ о композиторах, в чьем творчестве так или иначе отражены черты эпохи — ее политической, экономической и социальной жизни. Но вместе с тем это рассказ не столько о советской музыке, ее представителях, сколько о советском времени, многоплановом, противоречивом. Молчанову удалось воспроизвести атмосферу, дух прошлого и помочь нам ощутить сопричастность с этим прошлым, неразрывную связь с ним. Так садовник поздней, непогожей осенью бережно укрывает голые кусты роз, зная, что весной они расцветут вновь.

На основе двух «законных» талантов — музыки и журналистики — Вл. Молчанов создает свою телемузыку, гармонии которой так удивительно разнообразны и близки нам.

Леонид СТРЕЛКОВ.

Не выкидывая слов из песни

О программе Владимира Молчанова «Воспоминание»

в СССР. Может, они поймут что-то, когда узнают, как писались «покаянные» выступления «формалиста» Шостаковича. Может, их неожиданно встревожит история братьев Покрасс — «обычная» жуткая история сталинского времени. Может быть... Но речь о другом: такая своеобразная этическая увертюра «Воспоминания» Молчанова говорит не только о его высокой профессиональной культуре, такте, но — что сегодня особенно важно — о человеческой порядочности. Взяв эту высокую, чистую «ноту» в самом начале, он определил тем самым чистое, безукоризненное звучание всего «произведения».

Вспоминать о великих, с которыми мальчишкой ходил по одним тропинкам, купался, входя много раз в «одну и ту же реку», у которых часто бывал дома, и легко, и трудно. Легко потому, что не было для Володи Молчанова титанов, реформаторов и гениев музыки, а были — дядя Дима, дядя Ися, дядя Арам, дядя Вася, дядя Зига... «Дяди» были добрые, веселые, и с ними было интересно. Атмосфера счастливого, беззаботного детства — что может быть памятнее и дороже в зрелые годы?! Не вспоминать о великих, даже если дышал с ними одним воздухом (воздухом Рузы!), трудно. Ибо, как метко заметил Андре Моруа: «Великие люди отличаются от нас только тем, что они... вели-

перь там обитает его сын Максим, известный композитор, но нашего времени), здесь гостил Вэн Клайберн (пионеру Володе доверили тогда вручить цветы знаменитому пианисту), там любил сидеть Арам Хачатурян, тут жил «дядя Зига» — Сигизмунд Кац... Обычный ностальгический мотив: немного грустно, но мило, почти пасторально. И вдруг — диссонансом: разбитые окна, выломанные двери, обвалившаяся стена и страшная груда искореженных тел. Эти тела-скульптуры — с оторванными руками, разбитыми головами — лежат так, как лежат воины, сраженные смертным ураганом боя. «Пейзаж после битвы?!» Впечатление от этого жуткого видеоряда усиливается звуком: за кадром звучит «Ленин всегда живой. Ленин всегда с тобой...» Страшно! Что было, что стало. Что будет?

Автор песни «Ленин всегда с тобой» (вернее музыки к тексту) — Серафим Туликов. Он же автор таких прекрасных песен, как «Любимые женщины», «Не повторяется такое никогда...» Время и люди. Люди и песни. Мы не узнали, любил ли композитор Туликов ловить рыбу или играть на бильярде, но узнали массу интересных бытовых подробностей о Соловьеве-Седом, Новикове, Кнушевицком... Скажем, Кац, выпив, садился за рояль, и получалась совсем «другая»

самоценность таланта, как-то прилизаться к тайне творчества. А может, и тайне жизни?!

Где-то в ходе повествования, за кадром, Молчанов задается почти обязательным сегодня вопросом: «Во что нам верить?» Но не отвечает на него, а продолжает вспоминать о счастливой жизни в «отдельно взятом месте». И вдруг за этим внешне бесхитростным, но интеллигентно-непростым рассказом, после незабытых слов Хачатуряна: «Мы только тогда будем хорошо жить, когда будем терпимее друг к другу», возникает «крамольный» контрвопрос: «А так ли уж нам необходимо во что-то верить?!» Действительно, может, не вера все-таки для нас главное в жизни, а ощущение, осознание уникальности, гармонии самой жизни? Может, достаточно видеть и чувствовать красоту, достаточно тепла и сочувствия в человеческих отношениях, возмторга талантом? Ныне здравствующий композитор Марк Минковский делится с Владимиром: «Композитор должен писать музыку, а не драться, не вставать за левых, правых...» Люди, о которых с нежностью вспоминает Молчанов, честно делали свое дело — писали музыку, были терпимы друг к другу и были счастливы. Может, стоит вспомнить об этой простой формуле жизни?

Для Вл. Молчанова характерно не только бережное отноше-